

Посвящается Иану Хантеру

за то, что всегда играл со мной в «Угадай ингредиент»

Глава 1

Она теребит свой рукав, отчего оранжевые ворсинки слетают с джемпера и кружатся в воздухе, как сигаретные искры. Щеки у нее румяные, усыпанные веснушками, а когда она улыбается — с одной стороны появляется ямочка. Невозможно не влюбиться в эту улыбку.

Вот только я почти не видела ее улыбки с тех пор, как пришла в ресторан двадцать минут назад. Я наблюдала, загибая пальцы всякий раз, когда она улыбалась: первый раз, когда вошла сюда; второй — когда официант принес ей вино; и третий — когда она заметила меня притаившейся в соседней кабинке в этом дурацком парике, от которого чешется голова.

Я напрягаю слух, пытаюсь через окружающий шум голосов поймать обрывки их беседы и понять — что же пошло не так на этом свидании. Почему она сидит с таким бесстрастным видом, словно предпочла бы оказаться где-нибудь в другом месте. В зеркале, расположенном под продуманным углом недалеко от их столика несколько часов назад, я вижу, как он покачивает бокал с вином. Его рука усыпана черными волосками. Я стараюсь что-то определить по «языку тела» — он наклоняется вперед, и я слышу его смех, нервный

и хрипый, а вот она ни разу не засмеялась вместе с ним.

Передо мной со стуком появляется бокал «Апероль Шприц», и кубики льда позвякивают, когда Бобби поддвигает его поближе. От Бобби исходит запах чеснока и масла; и даже от одного взгляда на него у меня начинается урчать в животе.

— Ба! Да это же Сваха! — громогласно радуется он, и я шикаю на него, поднося палец к губам. Он коса смотрит на меня виноватым овечьим взглядом.

— Прости, — шепчет он. — Вечно забываю, что ты должна оставаться инкогнито. — А затем дергает меня за парик: черный «боб», напоминающий не столько прическу Умы Турман в «Криминальном чтиве», сколько космы Эдварда Руки-ножницы. — Не самый твой лучший, — сообщает он, качая головой.

— Спасибо, Кэп, — откликаюсь я, прикрываясь салфеткой, чтобы почесать под злосчастной штуковиной.

— Так. — Он потирает ладони. — И за кем мы сегодня шпионим?

Я показываю пальцем на кабинку позади нас.

— А, хорошенькая, — говорит он о Елене, моей клиентке.

— И умница, а главное, я знаю, что они превосходно подходят друг другу, — гордо улыбаюсь я ему.

Он смеется — легко, от души:

— Это мило, но в последнее время дела у тебя идут не так уж хорошо. Я скучаю по всем тем поцелуям.

Я шутливо пихаю его локтем в бок.

— Ни по чему ты не скучаешь! Не ты ли названивал мне каждый вечер: «Кэйтлин, уточка, пожалуйста, я не могу это выносить, они облюбовали мою лучшую кабинку!»

— Ну это все же лучше, чем: «Кэйтлин, уточка, ты свела его с его же братом!»

— Это был не его настоящий брат! — бормочу я в ответ. — Просто кто-то очень на него похожий!

Мы замолкаем, прислушиваясь к их разговору.

— Ну, и мне пришлось сказать ей, чтобы она поставила сыр в духовку, — говорит Джеймс с усмешкой. — Это было единственное место, откуда он не вонял! Нельзя, чтобы такой вонючий сыр портил вкус прекрасного «Бордо». Что за нелепая мысль его подать!

Бобби делает гримасу, качая головой.

— Он импортер марочных вин! — шепчу я.

Бобби кивает, а затем поет себе под нос:

— Ее это особо не впечатляет...

— А она шеф-повар, — добавляю я, отстаивая свой подбор пары. Но если взглянуть на Елену, становится ясно, что Бобби прав. Ее взгляд мечется по всему ресторану всякий раз, когда Джеймс что-то говорит, а теперь она опустила глаза, пристально вглядываясь в меню.

— Он нервничает, — говорю я. — Но он забавный, клянусь!

По крайней мере, был таким, когда я звонила ему в начале недели — окончательно убедиться, что он подходит для Елены. Его работа казалась тогда такой интересной: он рассказал кучу смешных случаев, подшучивая над собой. Однажды ему заплатили, чтобы он нашел то, на чем настаивал его клиент — невероятно редкое португальское вино; а Джеймс отыскал его... на нижней полке ближайшего супермаркета. А когда он был в поездке во Франции, ему предложили подавить виноград ногами, и он уже стал разуваться, когда вспомнил, что у него на пятке бородавка.

— А ты не можешь вмешаться? — спрашивает Бобби.

Я отрицательно качаю головой.

— Не раньше, чем она сама попросит, — отвечаю я. Я знаю сигнал: Елена извинится и пойдет в уборную, а я последую за ней для выяснений. Но я действительно хочу помочь. Эта встреча не так ужасна, как та история с братом или с женщиной, которая ходила на свидания в основном с целью вовлечь людей в пирамиду сетевого маркетинга с какими-то препаратами на основе алоэ вера; но протекает как-то нехорошо.

— Иди туда и пролей бокал вина! — говорю я Бобби.

Он косится на меня:

— И как это поможет?

— Доверься мне, — слегка улыбаюсь я в ответ. Но я и сама не уверена, что это поможет.

Он поднимает руки в знак капитуляции и отступает, вытаскивая блокнот из своего полосатого фартука.

— Если я получу плохой отзыв о заведении на сайте, — говорит он, — то из-за тебя.

Я смотрю, как он идет к ним, вживаясь на ходу в свой образ «итальянского дедушки». Это никого не обманывает. Бобби утверждает, что он настоящий итальянец, иммигрант в первом поколении, и считает, что благодаря этому его клиенты возвращаются, но на самом деле им просто нравятся его смешные попытки: его волосы — копна рыжих кудрей, и он называет всех «уточками» с ярко выраженным йоркширским акцентом.

— Ах, неужели это мой любимый клиент! — восклицает он, похлопывая Джеймса по спине. Джеймс в замешательстве поднимает взгляд. Он никогда раньше здесь не был. — Могу я предложить вам что-нибудь из нашего специального меню? Может, что-нибудь для дамы?.. — Бобби протягивает руку к меню, умело опрокидывая стакан Джеймса.

Елена вскакивает, шарахаясь от вина, расплескавшегося по всему столу. Джеймс тоже вскакивает и начинает шарить в карманах, а Бобби пытается — и безуспешно — вытереть стол тонкими бумажными салфетками.

— Я знаю, что у меня где-то есть носовой платок, — гордо говорит Джеймс. Это прекрасно, так как покажет Елене, что он настоящий английский джентльмен: она называла Хью Гранта одним из своих любимых актеров.

А затем я слышу, как она говорит:

— Погодите, что это? — Это звучит резко, и оба, Бобби и Елена, пялятся на стол. Джеймс становится пунцовым.

— Это же... это... — Я не вижу в зеркале, что у него в руке, и стараюсь высунуть голову из кабинки, чтобы разглядеть. Бобби начинает смеяться, а Джеймс с мукой в глазах смотрит на него.

— Я иду в уборную, — твердо заявляет Елена. Я следую за ней, пока три официанта несутся к столу с тряпками в руках.

— Что это было, черт возьми? — кричит она на меня, как только я переступаю порог туалета. Она стоит у раковины, уперев руки в бока.

— Хм. Вы должны сказать мне, потому что на самом деле я не видела, что произошло.

— Он вытер вино трусами, Кэйтлин! Трусами, которые вытащил из кармана.

— Какого фасона? — Это единственное, что приходит мне в голову, пока я пытаюсь найти объяснение.

— Да какая разница? — говорит она раздраженно. — Я уйду. Я думала, что у вас это хорошо получается.

— У меня это хорошо получается! — протестую я, хотя — если подумать — Бобби прав. В последнее время я не блещу успехами.

— Вот тот мужчина, — она показывает на дверь, — не Гарри.

— Он мог бы стать Гарри, если бы вы дали ему шанс.

Елена начинает перечислять черты Джеймса на пальцах:

— Он зануда, помешанный на вине, у него монобровь...

Я перебиваю:

— Послушайте, так нечестно! Вы сказали, вам нравятся волосатые мужчины.

Она продолжает свой список изъянов:

— ...Велит людям, которых впервые видит, убрать сыр в духовку, имеет фетиш на большие штаны...

— Погодите, вы сказали «большие штаны»? — Я вижу здесь зацепку.

— Да, огромные! Как старушечьи, в жутких розочках. Это наверняка фетишист. Мне не больно-то везет на мужчин. Я когда-то встречалась с таким парнем, он переспал с кучей женщин и хранил их лифчики как сувениры. Я пришла к нему домой, а у него их полный ящик! Он их крал, Кэйтлин. Вот потому я и обратилась к вам — чтобы отсеивать таких говнюков.

— Нет, это совсем другое! — Мой голос звучит торжественно. — Он вполне себе Гарри!

Гарри — это мой муж. Мужчина, которого хочет каждая женщина — или думает, что хочет. Его имя превратилось в нарицательное. День нашей свадьбы был настолько идеальным, что фотографии с него стали «вирусными» в Интернете, и это помогло моему бизнесу.

Елена поднимает бровь, глядя на меня.

— Как это?

— Это панталоны его мамы! Теперь я вспомнила, что она очень недомогает. Он ухаживает за ней, каждый день навещает и стирает для нее.

— Чушь собачья!

— Вовсе не чушь! Вернитесь туда и спросите его сами. Скажите: «Я уверена, что этому имеется разумное объяснение», и он сообщит вам то же самое!

Это если он вообще еще там. На его месте я уже удрала бы со всех ног.

— Ну что ж, ладно, — неохотно соглашается Елена. — Но это не отменяет того, что он скучный. Вино — вот и все, о чем он способен разговаривать.

Теперь мы снова на твердой почве. А у меня есть испытанные фразы, чтобы помочь на скучных свиданиях.

— Знаете, на первых встречах люди редко бывают на сто процентов сами собой, — говорю я. — Они нервничают и пытаются выпендриваться. Я думаю, что с ним происходит именно это, но он удивительно подходящая для вас партия.

Елена морщит нос:

— Вот этот парень?

Я всплескиваю руками:

— Даю слово свахи! Послушайте, я не виню вас за то, что вы считаете его скучным. Я слушала разговор, и он действительно не показал себя в выгодном свете. Но доверьтесь мне, вернитесь туда, познакомьтесь с ним получше — и увидите, что он достойный человек. Он не один из ваших бывших придурков. Я ручаюсь.

Елена вытаскивает тушь и начинает подкрашивать ресницы.

— Очень надеюсь, что вы правы насчет этих панталон.

Дверь ближайшей кабинки со стуком открывается, и оттуда выходит женщина в красных туфлях на высоком каблуке.

— Фетиш на большие панталоны не так уж плох! — сообщает она. — Вы когда-нибудь пробовали втиснуться в полихлорвиниловые? Чертовски неудобно, доложу я вам!

Мы дружно киваем.

— Ладно, — говорит Елена. — Расскажите мне еще что-нибудь о нем, и я вернусь.

— Он уже рассказывал о своем аквариуме? — Вот почему я решила их свести: они оба увлечены тропическими рыбками. Я так взволновалась, когда об этом узнала. Очень редко удается отыскать двух человек среди кип заявок в моем офисе, у которых имелось бы такое узко-нишевое хобби.

Она бросает на меня удивленный взгляд:

— У него есть аквариум? А он... — Елена замолкает на секунду. — А он любит тетр?

— Да, абсолютно точно!

Я понятия не имею, любит он тетр или нет. Я предполагаю, что это порода рыбок, хотя... это может быть и видеоигра девяностых годов.

— И кроме того, Елена, когда я положила рядом ваши анкеты, я почувствовала... Удар.

— Тот чувство, которое вы ощутили к Гарри?

— То самое.

Это моя коронная фишка. «Удар Кэйтлин». Чувство, похожее на толчок в моем животе, не столько нервное вздрагивание, сколько небольшое землетрясение. Как будто земля подо мной слегка покачнулась. Впервые я почувствовала это с Гарри. Я помню, как смотрела на него и просто знала, что он будет кем-то особенным в моей жизни.

— Но это только вам решать, чувствуете ли вы к нему что-то подобное, — говорю я Елене, однако мыслями она уже не здесь — как будто я дала ей вескую причину вернуться и попытаться начать все заново. Думаю, большинство людей просто хотят гарантий, что это будет того стоить: светская беседа, первые споры, смелость отдаться в чьи-то руки, зная, что они могут в любой момент причинить боль.

— Аквариум, да? Кто бы мог подумать! — бормочет она, уже выбегая из туалета.

— На что только не ведутся люди! — говорит женщина в красных туфлях.

Я смеюсь и выхожу вслед за Еленой. Каким-то чудом Джеймс все еще сидит за столом. Теперь все вытерто, и я вижу Бобби на кухне. Он машет мне мокрыми от вина панталонами. Я бросаю на него взгляд из серии «не будь таким жестоким».

— Ты вернулась! — говорит Джеймс, когда Елена садится обратно. — Я не знал, заказать ли нам еще одну бутылку, так что взял тебе пива. Я помню, ты говорила, что любишь его.

Я усаживаюсь обратно в кабинку, улыбаясь.

— А что касается этих трусов... — начинает Джеймс. Представляю, как полыхают его щеки. — Этому есть простое объяснение...

Он рассказывает, что его мама борется с артритом, и ей трудно справляться с большинством домашней работы.

— Она больше не печет пироги, с тех пор как умер мой папа, — говорит он, пока Елена сочувственно кивает.

— Я понимаю... Давай начнем все снова? Расскажи мне о своих увлечениях... ну, помимо вина, конечно.